

- ПМА 7 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Новорычан Володарского р-на Астраханской обл. Июль 2003 г. (информант – А.К. Нурманова, 1930 г.р.).
- ПМА 8 – Полевые материалы автора. Экспедиция в пос. Володарский Володарского р-на Астраханской обл. Февраль 2000 г. (информант – Р.С. Шунгулов, 1976 г.р.).
- Пятницкий* 1930 – *Пятницкий В.Д.* Карагачи (По материалам поездки в 1927 г.) // *Землеведение*. Т. 32. Вып. 3/4. М., 1930. С. 155–170.
- Ревуненкова* 1974 – *Ревуненкова Е.В.* О личности шамана // *СЭ*. 1974. № 3. С. 106–111.
- Ревуненкова* 1980 – *Ревуненкова Е.В.* Народы Малайзии и Западной Индонезии (Некоторые аспекты духовной культуры). М., 1980.
- Сухарева* 1975 – *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // *Домусульманские верования и обряды в Средней Азии*. М., 1975. С. 5–93.
- Трепавлов* 2002 – *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002.
- Токарев* 1990 – *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М., 1990.
- Ягмин* 1845 – *Ягмин А.* Киргиз-Кайсацкие степи и их жители. СПб., 1845.
- Ярлыкапов* 2003 – *Ярлыкапов А.А.* Йинли молла // *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь*. Вып. 4 / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М., 2003. С. 38–40.
- Элиаде* 2000 – *Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев, 2000.

A.V. Syzranov. Islamicized Shamanism among the Kazakh and Karagash Nogai of the Lower Volga River Area in the 19th and Early Twentieth Centuries

Keywords: Islam, shamanism, Povolzhie, Volga river area, Turkic population, religion, revival of traditions

The article discusses the phenomenon of Islamicized shamanism among the Turks of the Lower Povolzhie region. The author argues that the Lower Povolzhie region (Lower Volga River area) is specific in that a peculiar type of shamanism had formed there due to the circumstances of its development within the framework of Islam. The author defines this type as “Islamicized shamanism”. He traces the historical growth of shamanism and demonstrates that the shamanic cult came to be stripped of those features that contradicted Islamic norms by the end of the nineteenth century. He points to the fact that the very worldview of Turkic shamanism was gradually Islamicized in the region.

ЭО, 2010 г., № 1

© **О.В. Буреава**

ПРАВОСЛАВИЕ У БУРЯТ (XVII – НАЧАЛО XX в.)

Ключевые слова: православие, русские, буряты, крещение, миссионеры, синкретизм религиозных верований, социальная адаптация

Первые сведения о крещении бурят относятся к 30-м годам XVII в. Крестили взятых в плен бурят и монголов обою пола, давая им при крещении русские имена (Сборник 1960: 30, 49, 56, 145, 325). Мужчин использовали на службе в качестве переводчиков (толмачей), в хозяйственных целях, а женщин выдавали замуж за служилых людей (Там же: 145). Некоторые из крещеных, по-видимому, быстро усваивали русский язык и становились неплохими помощниками-переводчиками.

Ольга Владимировна Буреава – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ).

Систематическое распространение православия среди бурят началось с 1681 г., со времени возникновения Даурской миссии. На основании указа царя Федора Алексеевича тобольский митрополит Павел отправил 22 февраля 1681 г. игумена Федосия, черного попа Макария и с ними еще 10 монахов (“12 братьям с Москвы”) “в Дауры”. И “где приишут – построить монастырь во имя живоначальных троицы на Селенге-реке и в иных даурских городах и острогах, призвать и крестить (в) православную веру иноземцев” (Шмулевич 1982: 5).

В Предбайкалье возникли Вознесенский около Иркутска, Знаменский (1672) в Иркутске и Киренский монастыри, а также Введенская церковь (1673) в Илимске, Иркутская Спасская церковь (1684). В Забайкалье были построены Посольский (1681) и Троицкий (1682) монастыри.

Главной резиденцией миссионеров стал Троицкий монастырь на Селенге. В ведении этого монастыря находились села, расположенные в среднем и верхнем течении р. Хилок, а также две вотчины – Тимлюйская и Кударинская. Последняя служила миссионерской обителью для крещеных бурят. Поэтому монастырь оставял около половины хлебных запасов “про брацкый приход и работным людям, и новокрещеным, иноверцам, понеже то для новокрещеных и обитель оная велено строить” (Там же: 20).

Крещение облегчало переселение в деревню и частично уравнивало неопита с прочими ее жителями. Многие из крещеных на протяжении одного-двух поколений переключались на русский тип хозяйства, хотя сохраняли родной язык и связи с сородичами, по-прежнему числившимися в кочевых обществах (Очерки... 1972: 123). При посредничестве крещеных бурят-хлебопашцев русская земледельческая культура проникала в бурятское общество.

В 1727 г. была учреждена Иркутская епархия, имевшая целью распространение православия среди бурят, эвенков и других народов Восточной Сибири. Находясь в ведении Тобольского епархиального управления, епархия развернула активную деятельность. Но, судя по документам, крещеных бурят в XVII–XVIII вв. было не много: ежегодно насчитывались десятки, а то и единицы.

Избрант Идес (голландский купец, посланный в 1692 г. в составе русского консульства в Китай для ведения переговоров об установлении торговых отношений с Россией) отмечал, что царское правительство стремилось “залучить в лоно православия” представителей бурят-монгольской знати, чтобы потом при их содействии “просветить крещением” широкие массы бурят. По его информации, в Иркутском монастыре жил монгольский “барон”, принявший православную веру и потому находившийся под покровительством царя.

И.Г. Гмелин (академик Петербургской академии наук, натуралист, путешествовал по Сибири в 1733–1743 гг.) указывал на наличие среди балаганских бурят крещеных в православие. Он объяснял это бедностью западных бурят: “те сибирские туземцы, которые крестятся, делают это из-за бедности” (крестившиеся освобождались на несколько лет от уплаты ясака). Священники не имели права крестить “иноверцев” в православную веру без их просьбы и желания, в противном случае они могли подвергнуться штрафу. Однако это предписание часто нарушалось, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы. В то же время и добровольное крещение было вызвано отнюдь не религиозными, а практическими соображениями. В 1765 г. Михаил Татаринов (по-видимому, уроженец Иркутска, образование получил в Иркутской навигационной школе, служил в Иркутске и был хорошо знаком с краем, интересовался природой и бытом населения) сообщил: “Хотя со временем немало братских приходит в веру греческого исповедания, токмо из доброй воли мало: или заворовавшей или обнищавшей, тако ж жена от мужа збежит не захотя с ним жить, ибо кто крестится из братских и тунгусов – снимается с них есак на пять лет, а потом платить должны по-прежнему, точию почти все новокрещеные живут по срокам или в кабалах, редко кто живет своим

домом. А ежели новокрещеной, то называются выгонки, токмо доброго житья мало. И так все братские, хотя мужеска полу, совокупившись с российскими – дети, внучата и правнучата калмыковаты, волосы черные и называются карымы... все новокрещенные живут не кочевьем, а между российскими дворами, к чему весьма непривычны” (Описание...1958: 37–38).

За принятие православия с 1826 г. (по решению Государственного совета) буряты (и другие сибирские “инородцы”) освобождались от платежа податей и налогов на три года. От имени царя крестившимся зайсанам (правители рода, отока), тайшам (княжеский титул, родоначальник, позднее – глава степной думы) и прочим родоначальникам высладалась денежная суммы, ордена, медали, их производили в офицерские чины, предоставляли льготы (Церковь...1932: 101). Крещеные могли причисляться к крестьянскому или мещанскому сословию. Буряты нередко рассматривали крещение как акт, приносящий им материальную выгоду. В целях получения подарков, рубах, продовольствия они нередко совершали обряд крещения несколько раз (Очерки...1972: 276).

Правда, крещеные не всегда получали билет, дававший им льготу на освобождение от уплаты ясака. Происходило это в тех случаях, когда зайсаны и шуленги (глава рода) не давали льгот или буряты крестились в детском возрасте, когда были еще неплатежеспособными.

Первоначально население восточносибирских острогов состояло из одних мужчин. Женщины появились позже, и их было мало. Поэтому захваченных в плен буряток крестили и выдавали замуж за служилых людей. В Забайкалье браки русских поселенцев с бурятками поддерживали основанные в этом крае монастыри, стремившиеся таким образом обеспечить оседлость крестьян и тем самым усилить развитие земледелия в приграничных районах.

Большой размах приобрела деятельность Троицко-Селенгинского монастыря. Ему было предоставлено право селить на своих землях беглых и ссыльных русских и новокрещеных бурят. Чтобы укрепить основанные деревни, монастырь покупал у бурят “жен и девиц” (выплачивая за них калым) и после крещения выдавал замуж за поселившихся на монастырских землях крестьян. Таким образом возникло метисное население нескольких приходов по Уде и Селенге: Троицкого, Посольского, Куядского и др. Были случаи похищения буряток или их бегства в русские селения. При этом монастырское духовенство негласно признавало факт хищения, не оказывало препятствий, понимая, как важен “женский элемент” в упрочении оседлости, и венчало женщин с их похитителями.

В XVII–XVIII вв. в Забайкалье образовались целые селения и приходы из новокрещеных, преимущественно в монастырских владениях: это села Кудара-Сомон, Тресково, Тимлюй, Подлопатки, Елань, Карымск, Малый Куналей и др.

“Около 1784 г. Троицкосавский оберкомендант, управлявший тогда всею иркутско-китайскою границею, генерал-майор Ладыженский обратил в христианство бурят, ныне живущих в деревне Мурочи, отстоявшей от крепости Кударинской на 4 версты зимней дороги. В соседстве находятся 2 деревни, Унгуркуй и Палкан, тогда из ламайского язычества в православие обращенные сибирским дворянином, отцом покойного Игумнова... К особой чести Ладыженского и Игумнова надобно присовокупить, что они обзавели своих обращенных всем нужным в сельском быту, научили их грамоте и необходимым житейским мастерствам, чем и обеспечили их и детей в пристойном существовании” (Словцов 1886: 14).

В XVII–XVIII в. христианство оказало большое влияние на мировоззрение бурят и их образ жизни. Кроме того, крещение способствовало переходу к оседлости и привело к более тесным контактам с русскими в быту, зарождению семейных связей.

Первая школа в Восточной Сибири была открыта при мужском монастыре. Подготовка к созданию ее была начата архимандритом Антонием Платковским после по-

лучения подписанного 25 января 1721 г. Петром I “Духовного регламента”. Он обратился в Синод с просьбой открыть школу при Иркутском Вознесенском монастыре для обучения детей духовенства, в том числе “мунгальскому” и китайскому языкам. А для финансирования школы предлагал использовать средства близлежащих монастырей. Разрешение на открытие было получено в 1724 г.: “учреждается в Вознесенском иркутском монастыре школа для обучения церковнических детей и монастырских сирот мунгальскому и китайскому языкам” (<http://news.babr.ru/?IDE=3584>)

Школа стала функционировать с 1725 г. Сначала она имела одно отделение – монгольское, а потому носила название “мунгальская”. В 1727 г. было организовано второе отделение – русское – для обучения славяно-русской грамоте детей, принадлежавших ко всем сословиям. Школа начала именоваться русско-монгольской. В 1737 г. после закрытия монгольского отделения, она называлась славяно-русской и просуществовала немногим более 20 лет, до 1746 г.

В конце 1817 г. два члена Лондонского миссионерского общества – пасторы Корнелий Рамп и Эдуард Сталибрас – решили приехать в Иркутск для проповеди христианства. Прежде чем отправиться, они занялись подготовкой к будущей деятельности. Сталибрас перевел 18 глав из Библии, списал до 70 тыс. слов из монгольского словаря с переводом, составил на французском языке маньчжурскую грамматику. В марте 1818 г. миссионеры прибыли в Иркутск. Через некоторое время Рамп вернулся в Англию, а Сталибрас в 1820 г. переехал в Селенгинск, куда на помощь к нему прибыли помощники – Юилль и Сван. Начали они свою деятельность с того, что завели типографский станок со шрифтами на три печатных листа. В 1828 г. ими был закончен перевод Священного писания на монгольский язык.

Английские миссионеры занимались не только переводом и проповедью христианства. Они учили бурят черчению, грамоте, чтению и письму на монгольском языке, оказывали медицинскую помощь, преподавали ремесла (переплет книг), пропагандировали пользу земледелия и сами занимались хозяйством на отведенной им земле. Англичане составили лексикон и грамматику монгольского языка, бесплатно раздавали бурятам отпечатанные книги Священного писания, занимались чтением Евангелия и молитв, пением духовных песен. К ним буряты собирались слушать песни и чтение на монгольском языке (Богданов 1926: 162). Деятельность этих миссионеров вызывала недовольство со стороны русского духовенства, которому в конце концов в 1840 г. удалось добиться их изгнания из Забайкалья (хотя за 20 лет пребывания те окрестили всего три человека).

В 1841 г. крестился заседатель Тункинской степной думы Бордой Парушенов, при содействии которого в следующем году было крещено до 800 человек (Кудрявцев 1940: 204–205). В дальнейшем крещеный тайша З. Хамаков способствовал крещению целой тысячи своих сородичей, за что был награжден орденом св. Владимира 4-й степени, подарками и причислен к дворянству.

В 1841 г. в столице России побывал хоринский тайша Ринчин Доржо Дэмбилын. Там он был крещен, причем его восприемниками (крестниками) были император с императрицей. Вернулся он в звании есаула и именовался тайшой Николаем Николаевичем Дэмбиловым (Бурятские летописи 1995: 127). Надежды получить от него большую помощь в распространении православия не оправдались, так как злоупотребления привели Дэмбилова на скамью подсудимых. Сын служилого Бадмы Донхосона, гелун Сультим-Шираб Бадмын из рода хуацай, находясь в Петербурге с младшим братом, принял православие, был произведен в надворные советники и награжден серебряной медалью. Позднее он был прикомандирован к госпиталю, работал в Чите и Иркутске (Там же: 129–130).

Буда Хотогын, будучи главой цонгольского рода по наследству, оставил должность по собственному желанию, стал переводчиком маньчжурского и монгольского языков в Кяхтинском пограничном комиссариате. При генерале графе Муравьеве-Амурском

он перешел в православие и принял новое имя – Головкин, поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел (Там же: 129).

Показателен для того времени рапорт священника Алексея Копылова об “успехах” православия в Кудинском братском ведомстве в 1835 г.: “крещенные из бурят оставлены на прежнем жительстве между некрещенными, не используют никаких обязанностей и обрядов христианских, вступают в браки с некрещенными по своему языческому обряду без венчания по церковному чиноположению, не представляют рожденных детей к приходскому священнику для крещения, а некоторые и совершенно обращаются в первобытное состояние язычества” (НАРБ: Л. 2–2об.). Священник замечает, что для дальнейшего успеха христианства необходимо, чтобы крещенные жили отдельно от некрещенных, но для этого требуется согласие первых (Там же: Л. 2об.).

Наряду с крещением населения предпринимались меры по распространению христианской литературы на монгольском языке. (В современном бурятском языке сохраняются различные диалекты. А в XIX в. для забайкальских бурят литература печаталась монгольским шрифтом, для бурят Предбайкалья – бурятские слова русским шрифтом на разных диалектах; своей письменности буряты не имели.) Иркутский архиепископ Иннокентий требовал от миссионеров основательного изучения монгольского языка для перевода церковной литературы. В 1815 г. был сделан перевод на бурятский язык Евангелия от Матфея, а в 1823 г. – перевод краткого катехизиса. В 40-е годы XIX в. к переводческой деятельности был привлечен учитель-бурят Яков Болдонов. Он перевел на бурятский язык “Символ веры”, “Отче наш”, Божественную Литургию, “Краткую священную историю Ветхого завета”.

В 1860-е годы активным поборником православия стал боханский тайша И. Пирожков. За содействие в распространении христианства среди балаганских, осинских и идинских бурят в 1867 г. он по ходатайству Синода был награжден орденом св. Владимира 4-й степени и чином коллежского регистратора. В 1860 г. был сформирован Комитет по вопросам перевода учебных книг на бурятский язык, в состав которого вошли буряты А. Балдаев, Н. Болдонов, П. Баторов, И. Пирожков (Очерки... 1972: 276).

В начале 30-х годов XIX в. иркутские архиепископы Михаил и Мелетий ходатайствовали перед Синодом об усилении миссионерской деятельности в Восточной Сибири. Еще в 1830 г. был учрежден Комитет по делам духовной миссии в Иркутской епархии в составе П. Громова, А. Бобровникова и др. В течение пяти лет он обратил в христианство более 700 бурят. В 1844 г. по ходатайству архиепископа Нила Синод разрешил допуск в духовные училища мальчиков бурят.

Предпринимались меры по подготовке священников из среды бурят. Известным священником-миссионером был выходец из Тунки Я. Чистохин, занимавшийся переводческой деятельностью и изучением быта бурят. Лама Доржиев, приняв крещение, стал одним из активных миссионеров. В Забайкалье получили известность миссионеры К. Стуков и И. Телятьев. Последний добился отправления службы среди хоринских бурят на монгольском языке.

В 1851 г. насчитывалось 9225 крещеных бурят (Там же: 276). Например, по Ленской инородной управе числилось крещеных: 147 мужчин и 154 женщины (всего 301 чел.) и некрещеных: 100 мужчин и 98 женщин (всего 198 чел.) (ГАИО: Ф. 148. Оп. 1. Д. 32. Л. 9). В 1858 г. в 32 улусах и трех селениях указанной управы проживало оседлых “инородных христиан”: 218 мужчин и 143 женщины, кочевых “инородных христиан”: 218 мужчин и 184 женщины, кочевых “шаманской веры”: 4641 мужчина и 4343 женщины (Там же: Ф. 151. Оп. 1. Д. 146. Л. 173).

В первой половине XIX в. в центрах управ и отдельных управлений были построены церкви. По инициативе Найдана, сына Гомбо, младшего брата гелуна Доржо, было получено разрешение возвести церковь рядом с Селенгинским бурятским комитетом, возле давно заложенного фундамента дацана. Строительство велось за счет собственных средств и пожертвований. Храм был освящен иркутским архиереем, туда прибы-

ли священники. Позднее Найдан Гомбоев работал учителем среди кударинских бурят, а за строительство церкви был награжден серебряной медалью и произведен в чин титулярного советника. Кроме того, он служил переводчиком у амурского военного губернатора. Вместе с тем православия Гомбоев не принял (Бурятские летописи 1995: 128).

В 1859 г. в Иркутской губ. действовало 79 сельских церквей, в Забайкальской области – 41 (Там же: Ф. 24. Оп. 9. Д. 111. К. 1738. Л. 72 об., 80 об.).

Для привлечения крещенных бурят к исполнению христианских обязанностей и крещению детей миссионеры прибегали к помощи полиции и местных властей. Они силой отбирали и уничтожали языческие бурханы и онгоны, поскольку крестившиеся буряты продолжали верить в своих духов, совершать шаманские обряды, обращаться к услугам шаманов. Православные миссионеры не допускали компромисса с шаманизмом и вели непримиримую борьбу за его полное искоренение. Сжигание предметов шаманского культа и преследование шаманов не прошли бесследно, но не дали желаемых результатов.

Христианство не разрушило шаманистского миропонимания бурят. Наряду с Христом, Николаем-Угодником и другими христианскими святыми в мире местных жителей продолжали жить тэнгри, хагы, духи. Культ Николая-Угодника был особенно распространен в тех ведомствах, где земледелие получило наибольшее развитие – среди идинских, кудинских, аларских, тункинских и кабанских бурят (Михайлов 1979: 140).

В казачьей церкви в Тунке имелся привезенный из русского острожка с Косогола образ святителя Николая бурятского типа: с редкой бородой и усами, зачесанными назад волосами и медными украшениями в буддийском стиле с неизменным лотосом. Этот образ особенно привлекал бурят 9 мая, которые почитали в нем Цаган-Убугуна (седого старца); о нем существовало много легенд, сходных со сказаниями о святителе Николае (Кропоткин 1867: 14–15).

Интересный случай произошел в Тунке, где находится священная скала Буха-ной-она. На одном из выступов скалы ламы построили буддийскую кумирню. В 1861 г. православные миссионеры построили на другом выступе скалы часовню, посвятив ее святому Парфению (Прибавления...1887: 156; 1888: 453). Таким образом, в буддийской кумирне Буха-нойону молились буддисты, в православной часовне – крещенные буряты, а буряты-шаманисты продолжали устраивать свой традиционный тайлаган.

К христианским датам приурочивались производственно-религиозные обряды шаманистов. Например, накануне Пасхи буряты срезали гривы и хвосты лошадям, обрызгивая вином шаманских “богов” – покровителей лошадей (Манжигеев 1960: 201). Святителю Николаю, покровителю земледелия, специально посвящали тайлаган перед посевной и уборочной. Так, буряты Янгутского рода перед выездом в поле молились по-русски Николаю-бурхану и одновременно совершали обряд по-бурятски, окуривая богородской травой и пихтовой корой лошадь и телегу с семенами, в поле брали с собой буханку хлеба, брызгали водкой (Там же: 200–201). По случаю засухи организовывался крестный ход по засеянным полям, в котором принимали участие и некрещенные буряты. В XVIII столетии в быт бурят постепенно внедряются русские летосчисление и календарь. У бурят также существовали Великий пост – *ута забан* (долгий пост), Масленица – *тосоной долон* (масленая неделя), Пасха – *улан ундугунэй* (красные яйца) (Описание... 1958: 13).

В конце XIX в. сложилась традиция приурочивать тайлаганы к христианским праздникам: в июне – к Петрову дню, в июле – к Ильину дню, осенью – к Покрову. И тайлаганы получили соответствующие названия: Петрови тайлаган, Ильин деэни тайлаган и т.д. Буряты стали праздновать православные праздники: Николин день, Покров день, Пасху и т.д., посещать церкви в ближайших русских селах, ставить свечи (История и культура...1999: 155).

Под влиянием православия произошли изменения в погребально-поминальной обрядности. У бурят наиболее распространенными способами захоронения были наземно-воздушное, а также кремация. В некоторых случаях умершего закапывали в землю. Постоянного или общего для родовой или улусной общины кладбища не существовало. В конце XIX – начале XX в. наземное захоронение у западных бурят (за редким исключением) уже не бытовало. Помещение в глубокую яму (могилу) стало обычным делом, распространяется традиция делать надмогильные сооружения с христианскими крестами. Появляются общие кладбища, в ряде ведомств огороженные заборами. Прекратился обычай убивать у могилы коня, на котором везли умершего. Начали устраивать поминки на 9-й и 40-й день, а также в годовщину смерти. В отдельных случаях приглашались священники для отпевания, иногда близкие ходили в церковь, чтобы поставить свечку в память об умершем (Там же: 156).

Распространению среди бурят христианского учения помогали перевод и издание литературы на бурятском языке. Эта литература так или иначе попадала в бурятские улусы, читалась частью бурят и в устной форме становилась известной многим людям. В сознании шаманистов оставались идеи христианского учения, которые смешивались с шаманистскими, а в ряде случаев и буддийскими. В результате происходило изменение в шаманистском мировоззрении, возникал определенный синкретизм не только в идеологической системе, но и в культовой практике (*Михайлов* 1979: 142). Следствием влияния христианства явился синкретизм религиозных воззрений. Известно немало случаев, когда буряты исповедовали шаманизм и православие или шаманизм и буддизм.

Если в искоренении язычества миссионеры добились определенных результатов, то в борьбе с буддизмом они оказались беспомощными. В эффективности обращения бурят в свою веру православие уступало буддизму. Успехи буддийских проповедников были связаны, вероятно, с тем, что им лучше удалось понять запросы местного населения. Кроме того, ламы обращались к нему на его родном языке. Они обучали население монгольской грамоте, лечили. Силы православных миссионеров и буддийского духовенства оказались неравными. В 1877 г. в Забайкальской православной духовной миссии насчитывалось 18 станом с 17 миссионерами и 17 причетчиками. В то же время в системе буддийской церкви было 34 дацана, в них хамбо-лама, 34 ширетуя, 216 лам-гелюнгов и 34 бандия и хуварака – всего 285 штатных лам, а фактически во много раз больше. В своих отчетах забайкальские миссионеры с горечью отмечали невозможность противостоять армии более близких бурятам лам (Очерки... 1972: 280).

Первый православный миссионерский стан среди бурят был основан в 1859 г. в улусе Нукуты Балаганского ведомства, при Балаганской степной думе. С этого времени миссионерская деятельность среди бурят усиливается. В 1861 г. была образована Иркутская духовная миссия, в 1862 г. – Забайкальская. Новый этап в деятельности последней связан с именем епископа Вениамина (Благонравова), который оживил дух миссионерства и расширил круг влияния миссии. Он постарался, чтобы в этот круг вошли все основные пункты бурятских и эвенкийских ведомств. Для проповеди христианского учения были приглашены опытные священники. В состав миссии вошли 11 миссионеров. Кроме того, миссионерские обязанности выполняли четыре приходских священника. Было обустроено 12 миссионерских станом: в 1862 г. – Байкало-Кударинский, Агинский при Агинской степной думе; в 1864 г. – Селенгинский при Селенгинской степной думе (около Гусиноозерского дацана), Цаган-Усунский на границе с Монголией, Усть-Киранский, Анинский при Хоринской степной думе, Баунтовский среди эвенкийских кочевий; Ононский и Голоустенский на западном побережье Байкала, Улюнский при Баргузинской степной думе, Иргенский на оз. Иргень, Гужирский Троицкий при Тункинской степной думе после 1864 г.

При резиденции епископа Вениамина (в Посольском Спасо-Преображенском монастыре) было открыто миссионерское училище для подготовки мальчиков бурят к

миссионерскому служению. Всего в Посольском училище обучалось 20, а в 12 станах в 1868 г. – 23 мальчика, которые впоследствии стали священниками и учителями.

К 1870 г. в составе указанных миссий действовало 22 стана, в 1877 г. – 35, а в начале XX столетия – 41. Стан состоял обычно из церкви, домов церковного причта, миссионерской школы с пансионом.

В 1877 г. число крещеных бурят превысило 10 тыс. человек (Труды: 497, 526). В 1891 г., согласно официальной статистике, их было 35 тыс., в 1911 г. – 85 тыс. Наибольшее распространение христианство получило в Идинском, Аларском, Балаганском, Бильчирском, Тункинском ведомствах (Предбайкалье), Кударинском ведомстве, Верхнеудинском, Чикойском и Нерчинском уездах (Забайкалье), а также среди отдельных групп баргузинских, хоринских, селенгинских бурят.

Новым и эффективным приемом в деле христианизации бурят явилась подготовка миссионеров из местного населения. Обучение они проходили в училище при Посольском монастыре, в Иркутской духовной семинарии и Нерчинском духовном училище. Кадры высшего звена готовились в Казанской духовной академии, где имелось специальное бурят-монгольское отделение. Существовали также женские духовные заведения, где обучались бурятки: Иркутское училище девиц духовного ведомства, училище при Иркутском Знаменском монастыре, Читинская женская Богородицкая община, Забайкальское епархиальное женское училище. Во второй половине XIX – начале XX в. общая численность миссионеров из бурят достигала в епархии 40–50 человек. Они работали в миссионерских школах и пансионах. Хорошо зная родной язык, быт и традиции, психологию своего народа, эти люди находили наиболее приемлемые методы и формы приобщения соплеменников к христианству, добиваясь значительных успехов на этом поприще. Некоторые из миссионеров обладали выдающимися качествами, активно занимались просветительской, научно-переводческой и общественной деятельностью, пользовались широкой известностью и авторитетом. Это Роман Цыренпилов – заведующий Верхнеамурским маньчжурским станом и переводчик, Алексей Норбоев – благочинный при Агинской степной думе, переводчик, этнограф, Николай Нилов-Доржиев – протоиерей, переводчик, впоследствии преподаватель факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, Константин Стуков – протоиерей, историк и краевед, Афанасий Виноградов – кафедральный протоиерей, редактор “Иркутских епархиальных ведомостей”, исследователь этнографии алеутов, чукчей, колошей и якутов, один из биографов святителя Иннокентия (Вениаминова), и др.

Многие известные священники были выходцами из смешанных русско-бурятских семей. Например, Александр Бобровников первым составил “Грамматику монгольского языка”, а его сын, Алексей Бобровников, написал “Грамматику монгольско-калмыцкого языка”, которую подготовил с помощью своих друзей – Доржи Банзарова и Галсана Гомбоева. Павел Затопляев – протоиерей Нерчинского Воскресенского собора – прослужил 40 лет смотрителем Нерчинского духовного училища. Афанасий Щапов окончил Иркутскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию, стал известным историком, этнографом и публицистом. Многие династии священников – Виноградовы, Ерженины, Кондаковы, Копыловы, Корнаковы, Лавровские, Литвинцевы, Малковы, Подгорбунские, Преловские, Пляскины, Поповы, Стуковы, Сухановы, Телятьевы, Шастины, Шергины и др. – имели смешанные корни (*Жалсараев* 2001: 6–7).

В Иркутской губ., где проживало большинство официально числившихся православными бурят, к 70–80-м годам XIX в. сформировалась и укрепилась в качестве структурной единицы Русской православной церкви Бурятская православная миссионерская церковь (*Михайлова* 1999: 48).

Во второй половине XIX столетия крупным православным центром стал г. Верхнеудинск (в связи с созданием в 1851 г. Забайкальской области). В городе действова-

ли Одигитриевский собор (1741), Спасская (1807), Троицкая (1809), Воскресенская (1809), Николаевская железнодорожная (1901), Заудинская церкви и Михаило-Архангельский монастырь. Картину религиозной жизни дополняли католический костел и здание общины евангельских христиан (Там же: 49), а также еврейская синагога и татарская мечеть.

В 1862 г. при Иркутской и Нерчинской епархии было создано Селенгинское викарное епископство с центром при Посольском монастыре для окормления православных Забайкальской области и развития миссионерской деятельности среди бурят, а также старообрядцев. Если в 1894 г. на территории этой епархии было 200 церквей, то в 1909 г. – уже 376, из них приходских – 143, домовых – три, тюремных – три, кладбищенских – восемь, железнодорожных – две, церковей-школ – две, монастырских – пять. Большинство церквей (300) были деревянными. К 1920-м годам насчитывалось 490 храмов и молитвенных домов (в Бурятии – 194, в Читинской области – 296), четыре монастыря (мужские – Селенгинский Свято-Троицкий, Чикойский Иоанно-Предтечинский; женские – Посольский Спасо-Преображенский и Читинский Богородицкий; мужская пустынь преподобного Нила Столбенского осталась в ведении Иркутской епархии), три мужских скита (Котокельский Николаевский на острове о. Котокель, Селенгинский Спасский в Старо-Селенгинске, Пантелеймоновский на Ямаровских минеральных водах), два женских подворья от Посольского женского монастыря (Верхнеудинская Михаило-Архангельская и Мысовская Успенская), а по станицам, деревням и миссионерским станам было возведено 302 часовни (*Жалсараев* 2001: 8).

В 1903 г. бурятское православие имело 59 миссионерских станов, духовные школы с количеством учащихся в них 1400 человек, десятки священнослужителей, церковные приходы с паствой и церковными старостами из числа бурят (Там же).

В годы революции 1905 г. и особенно после появления Указа от 17 октября 1905 г., по которому населению Российской империи была дарована религиозная свобода, начался массовый выход из православия. Так, если в Тункинской миссии числилось около 10 тыс. крещеных бурят, то после указа почти все они приняли буддизм (*Очерки...1972: 278*).

В тот период активизировалась деятельность буддийского духовенства. Буддизм все больше проникал на западную сторону Байкала: открывались дацаны, другие культовые сооружения.

Вместе с тем в период с 1905 по 1917 г. число новых приходов, церквей в целом по Сибири имело тенденцию к росту (в связи с резким приростом населения за счет массовых переселений из Центральной России в Сибирь во время Столыпинских реформ). К тому же наметился диалог между буддизмом и православием, что породило благоприятные перспективы. 28 января 1912 г. Иркутск посетил глава буддийского духовенства в Сибири Пандидо хамбо-лама Итыгелов, “прогрессист, интересующийся всем, что может поднять культуру бурят” (*Романов* 1994: 167).

В 1892 г. в Иркутской губ. из 465 428 человек православных было 372 456, раскольников – 382, католиков – 3485, представителей армяно-григорианской церкви – 2843, буддистов – 14210, шаманистов – 64945 человек (*Новый энциклопедический словарь: 324–325*). В Забайкальской области в 1912 г. насчитывалось 893,2 тыс. человек, из которых православные составляли большинство – 71,4%, буддисты – 25,9% (Там же: 325). В Иркутске из 50280 жителей православными являлись 37 813, раскольниками – 68, католиками – 1064, буддистами – 382, шаманистами – 219 чел. По состоянию на 1886 г. в Иркутске имелись один монастырь, две часовни, один костел, одна лютеранская кирха, 28 православных церквей, девять богаделен (Там же: 328–329).

В Иркутской губ. и Забайкальской области процент православных бурят постоянно возрастал. Всего православных в 1897 г. было 83,3%, в 1911 г. – 85,8% по отношению ко всему населению. При этом число православных “инородцев” в Сибири достигало 471 389 человек, в 1911 г. – более 500 000. Общее число буддистов имело

тенденцию к уменьшению и составляло в указанные годы 3,2 и 2,2% соответственно. Старообрядцы, к примеру, составляли по обеим переписям 2,3%, а число иудеев увеличилось с 0,36 до 0,4%. Среди забайкальских бурят в 1897 г. было 11 477 (6,4%) православных, 165 659 (91,7%) буддистов, 2860 (1,6%) шаманистов; среди иркутских – 45 364 (41,7%) православных, 51 978 (47,7%) шаманистов, 5867 (10,6%) буддистов (Азиатская Россия 1914: 233, 234, 237; *Серебренников* 1913: 8, 16).

Самое характерное явление в этнографической организации восточносибирского населения представляли так называемые ясачные – крещеные буряты, женившиеся на русских женщинах или на крещеных бурятках и жившие особыми дворами или селениями, отделенными от бурятских улусов. В XIX столетии ясачные составили большую часть населения Ашехабатской вол., Нижнеудинского у. Иркутской губ. Селения ясачных встречались в Верхоленском (семь селений), Балаганском (13) и Иркутском уездах. Но больше всего их было в Забайкальской области: по тракту от Верхнеудинска к Чите – в сел. Онинском, при Онинской, Кульской, Тарбагатайской, Грядской почтовых станциях и в сел. Ониноборском. В 1815 г. поселения ясачных возникли по р. Курба: Укырское, Домно-Еравнинское, Вершино-Удинское, Сосново-Озерское, Погромнинское, Поперечинское и др. В Цонгольской родовой управе среди селенгинских бурят насчитывалось 791 крещеный, проживающий в пяти селениях и занимавшийся земледелием. В Тугнуйской и Бадинской степях, по рекам Ташеланка и Илька, в сел. Творогово было много крещеных бурят. Сел. Хараузинское состояло из 15 дворов крещеных бурят. В некоторых селениях обруселых потомков (так называемых карымов) (подробнее о них см.: *Бураева* 2000) проживало от 280 до 350 душ обоего пола, хотя, как считает А.П. Шапов, деревни возникли 50–60 лет назад, т.е. в начале XIX в., тогда как во многих русских селениях Иркутской губ., основанных еще в XVII столетии, жителей насчитывалось всего от 185 до 218 душ. Были селения, где одна половина жителей – русские, другая – обруселые буряты или ясачные. Последние большей частью селились в русских деревнях по 2–10 дворов. По данным И.А. Подгорбунского, ясачные в четырех округах Иркутской губ. – Верхоленском, Балаганском, Иркутском и Нижнеудинском – составили 10 984 души обоего пола, т.е. 11% от всего бурятского населения губернии (*Подгорбунский* 1908: 5). В Забайкальской области на 170 тыс. бурят приходилось 500 ясачных (0,29%) (Там же).

В эпоху развития капитализма в стране буряты сумели адаптировать и институировать православие. За сравнительно короткий период – с 1861 по 1917 г. – были созданы институты воспроизводства бурятской православной церкви – училища и семинарии, типографии, издавались христианская литература на бурятском языке, методические разработки (*Михайлова* 1999: 59).

В конце XIX – начале XX столетия в значительной степени трансформировалась внешняя среда обитания бурят. Переход на оседлость, изменение форм и типов жилищ и поселений, широкое внедрение русской, а также европейской бытовой культуры не могли не привести к изменениям в духовной культуре. Эти и другие изменения в материальной сфере – яркие показатели смены ориентиров в культурном пространстве, выход на новую модель поведения. Выбор религии в качестве позиции (личной или коллективной), возможно, не всегда отражал адекватно глубинный смысл явления, он мог определяться и предполагаемыми выгодами или расчетом. В любом случае, выбор православия в России отражал стремление индивида или группы приобрести полноценный статус гражданина (Там же: 66–67).

1905–1917 гг. оказались в истории бурятского православия еще одной важной вехой, показателем степени и глубины усвоения догматов и идей христианства через призму народнических, социал-демократических, национально-освободительных идей, распространившихся не столь широко, но достаточно прочно. “Путем православной христианизации – к европеизации образа жизни, культуры и политики” – так можно сформулировать глобальный смысл тех исторических изменений, которые про-

исходили спустя два с половиной столетия после начала христианизации бурят (Там же: 150).

Включение в общероссийскую и мировую модели устройства общества, отчетливая тенденция обращения к культурному пространству Запада – процессы, иллюстрирующие выраженное стремление бурятского народа к культурной интеграции, к равноправному диалогу. Русское православие сыграло одну из решающих ролей в исторической судьбе народа, в выходе его на цивилизационную модель развития, волею судьбы представляющую синтез Востока и Запада. Процессы инноваций, сопровождавшие культурно-историческое бытие этноса, естественным образом содержали в себе духовный опыт отечественного православия (Там же: 156–157).

В период революций, гражданской войны православная церковь в Бурятии не претерпела особых изменений в структурно-административном отношении. Правда, часть духовенства и верующих была вовлечена в политическую борьбу, враждебно встретила советскую власть, вынуждена была эмигрировать. Одни буряты приняли буддизм, другие возвратились в лоно шаманизма. Перестали существовать и миссионерские станы.

Основные итоги христианизации в XVII – начале XX вв. бурят можно определить следующим образом: 1) некоторое вытеснение шаманизма и его трансформация под влиянием православия, 2) синкретизм религиозных верований (шаманизм-христианство, шаманизм-буддизм-христианство), общее осложнение культурно-идеологической системы в бурятских улусах, 3) распространение среди бурят русско-христианских ценностей и традиций, развитие и укрепление русско-бурятских взаимоотношений, 4) определенный подъем культуры в бурятских ведомствах (иногородных управах и Степных Думах). Открывались школы, распространялась грамотность в улусах, изучались культура, быт и язык бурятского народа; из числа бурят выдвинулось немало активных миссионеров, внесших вклад в историко-этнографическое исследование народа, 5) православие сыграло большую роль в социальной адаптации бурят, в усвоении европейской культуры и в экономическом развитии.

Источники и литература

- Азиатская Россия 1914 – Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. Т. 1.
- Богданов 1926 – Богданов М.Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск: Бурмонгиз, 1926.
- Бураева 2000 – Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
- Бурятские летописи 1995 – Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995.
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 9. Д. 111. К. 1738. Л. 72 об., 80 об.; Ф. 148. Оп. 1. Д. 32. Л. 9; Ф. 151. Оп. 1. Д. 146. Л. 173.
- Жалсараев 2001 – Жалсараев А.Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2001.
- История и культура... 1999 – История и культура бурятского народа / Под ред. Т.М. Михайлова. Улан-Удэ: Бэлиг, 1999.
- Кропоткин 1867 – Кропоткин П. Поездка в Окинский караул // Записки Сибирского отделения Русского Географического общества. Иркутск, 1867. Кн. IX, X. С. 1–95.
- Кудрявцев 1940 – Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа с XVII в. до 60-х годов XIX в. М.; Л.: АН СССР, 1940.
- Манжигеев 1960 – Манжигеев И.М. Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ, 1960.
- Михайлов 1979 – Михайлов Т.М. Влияние ламаизма и христианства на шаманизм бурят // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л.: Наука, 1979. С. 127–149.
- Михайлова 1999 – Михайлова В.Т. Православие в духовной культуре бурят (30-е гг. XVII в.–1917 г.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1999.

- НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 213. Л. 2–2об.
- Новый энциклопедический словарь – Новый энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Брокгауза Ф.А. и Эфрона И.А. Т. 25. С. 24–325.
- Описание... 1958 – Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым. Улан-Удэ, 1958.
- Очерки... 1972 – Очерки истории культуры Бурятии. Улан-Удэ, 1972. Т. 1.
- Подгорбунский* 1903 – *Подгорбунский И.А.* Буряты (физический тип и духовная личность бурят). Иркутск, 1903.
- Прибавления... 1887 – Прибавления к “Иркутским епархиальным ведомствам”. 1887. № 18.
- Прибавления... 1888 – Прибавления к “Иркутским епархиальным ведомствам”. 1888. № 4.
- Романов* 1994 – *Романов .С.* Летопись города Иркутска. Ч. 3. Иркутск, 1994.
- Сборник 1960 – Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / Сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.
- Серебренников* 1913 – *Серебренников И.И.* Иностранцы Восточной Сибири, их состав и занятия (Стат. очерк). Иркутск, 1913.
- Церковь... 1932 – Церковь и русификация бурят-монгол при царизме // Красный архив, 1932. Т. 4 (53).
- Шмулевич* 1982 – *Шмулевич М.М.* Троицко-Селенгинский монастырь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982.

O.V. Burueva. Orthodox Christianity among the Buryat

Keywords: Orthodox Christianity, Buryat, baptism, missionaries, syncretism of religious beliefs, social adaptation

The article discusses the development of Orthodox Christianity among the Buryat in the historical period stretching from the seventeenth through the early twentieth century. The author analyzes the complications that Christianity faced in the process of competing with shamanism, as well as Buddhism which was growing stronger in the region; and touches on a variety of themes from the history of missionary movements to the shaping of religious syncretism. The article draws both on published and unpublished archival sources.